

Чечитов.А.А

Кривой лес

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Александрович Чечитов

Кривой лес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40859314

SelfPub; 2019

Аннотация

Прожигая жизнь, Тамара не задумывается о будущем, но груз ошибок однажды прижимает ее. Боль и отчаяние становятся спутниками девушки. Сможет ли она справиться, покажет только время. Обложка оформлена автором. Содержит нецензурную брань.

«Вставай! Жаба поганая», – прошептал тонкий, гнусавый голосок с усмешкой. Открыв глаза, Тамара вздрогнула, прижатая в упор прямым, стеклянным взглядом синих зрачков. «Сейчас, – тихо отозвалась она, давно усвоив правило. – Не спорить здесь ни с кем».

В юную пору Тамары, жизнь обещала быть яркой, захватывающей, полной любви и счастья. Занятия на факультете журналистики, студенческие вечеринки, романтические свидания смешались в одном стремительном водовороте веселья. Драгоценное время уходило, оставляя после себя обрывки смутных воспоминаний. Тогда Тамаре, казалось: «Все лучшее впереди, а вчерашние тревоги, пусть живут в прошлом». К своим тридцати пяти годам девушка успела два раза неудачно побывать замужем и сделать три аборта, последний из которых привел к бесплодию.

Расставшись с последним мужем, она поселилась в большой, хорошо обставленной двухкомнатной квартире, располагавшейся не далеко от метро. Тряска в шумных, переполненных вагонах подземки, вереница резких запахов, нескончаемая суeta однажды стали давить. Конечно дома, в Ростове-на-Дону было бы гораздо спокойнее, и мама старенькая звала обратно, но Тома не торопилась возвращаться. «Вернуться, значит сделать шаг назад», – прокручивала она заветную мысль как заклинание, когда совсем становилось тоскливо. «Одноклассницы с жадностью слушают о прекрасной, сытной жизни в столице, а так получится, что образ успеш-

ной женщины разрушиться. Нет уж, буду терпеть», – рассуждала про себя Тамара.

Дотацившись до квартиры после работы, она обычно потягивала сухое вино перед телевизором, иногда даже забывая поужинать. Великая гонка большого города за призрачными мечтами вымотала. Ей было жаль ушедшие годы, загубленную своими собственными руками возможность иметь детей. Депрессия все чаще накатывала, забирая так необходимые душевные силы. В коллективе девчонки делились семейными секретами, хихикали и хныкали, а ее это раздражало. Ей ведь рассказывать было ничего, и она, ссылаясь на занятость, старалась скорее уйти.

Главный редактор Георгий Фёдорович Железнов, принимая материал, неизменно хвалил Тамару, не теряя надежды получить её расположение. В офисе к нему обращались просто Федорович, а позже стали звать еще короче – Фёдыч. Иногда он дарил Томе маленькие подарки. Острые шутки, что она отпускала в его сторону, пропускал мимо ушей. – Вот бы моя стала! – рассматривая ее тонкую, соблазнительную фигуру, мечтал Фёдыч. В свою очередь Тамара никогда не относилась к нему серьезно. С самого момента устройства она наблюдала только его жировую эволюцию, занудство и неряшливость. Живот годами увеличивался и опускался все ниже к коленям, а густая, растрепанная борода, потеряла всякую форму. При всем пренебрежительном отношении к своей внешности, Фёдыч имел: въедливый, дотош-

ный, исполнительный характер. Именно эти качества помогли ему пробить дорогу к должности главного редактора журнала. Жены к сорока одному году у Фёдыча не было. В молодости, когда он пытался приводить домой девушек, мама строго пресекала такие поползновения на их устоявшийся быт.

– Федюшка. Эта девушка мне не нравится! – говорила она обычно, иной раз даже при самой несостоявшейся избраннице.

С младенчества не зная отца, мальчик всегда слушался мамушку. На стене в коридоре их квартиры, находилась его гордость, пара грамот по химии со школьных времен. В седьмом классе Фёдыч начитавшись книг о великих ученых, стал усердно учиться. Мечтая стать в один ряд со своими кумирами, не вылезал из библиотек. У мамы было свое представление о том, кем должен быть сын. Она настояла на филологическом образовании, что ей казалось наилучшим выбором для будущей профессии. Не изменил Фёдыч привычкам и когда вырос, руководствуясь мамиными указаниями до самой ее кончины.

На сороковой день после смерти престарелой родительницы, на ковер в прихожей Фёдыч опустил маленький, дрожащий комочек. Черный щенок, с белыми лапками попискивал, подергивая озябшей, крохотной головенкой. Одиночество теперь не так сильно терзало сердце Фёдыча. Он находил утешение, в общении с маленьким животным. Позже

появились и другие питомцы.

За двойным оконным стеклом, в вечернем небе кружились легкие хлопья снега, засыпая дома и дороги толстым слоем. Укутавшись в тонкий, мягкий плед на диване, с большой кружкой горячего кофе Тома смотрела любимый сериал. Под боком загудел мобильник. «Да мамуль», – улыбнулась Тамара, прижав телефон к уху.

– Томочка, маму забрали в больницу. Плохо стало ей – сообщила взволнованная тетя Галя, соседка, живущая на одной с ними лестничной площадке в квартире напротив.

– Что с ней?!

– Я дочка точно не знаю. Пришла она значит, ко мне вечером почаяевичать. Хорошо вроде было все. По сто грамм пригубили. Да под конец, за сердце схватилась. Упала на кухне у меня. Синеть начала. Хорошо телефон у неё с собой был. Я сначала медиков вызвала, потом сразу тебе позвонила. Скорая помощь уже забрала.

Тамара выключила мобильный, лихорадочно соображая как быть. – Билет надо купить. Раньше, кажется, мама не жаловалась на здоровье. Наверное, не хотела волновать. Черт! – беспорядочно роились мысли в голове. Стопы маленьких женских ног начали гореть. Разволновавшись Тома, ходила босиком по открытому, заснеженному балкону. Опомнившись, она заскочила в комнату.

Уже через час желтое такси мчалось во Внуково. В аэропорту выяснилось, что ближайший рейс будет только через семь

часов.

– Пусть так. Оставаться одной в пустой квартире с этими мыслями, было бы хуже. Быстрее бы добраться. Хоть бы все было хорошо!

Когда Тома зашла в палату, сердце упало. Она содрогнулась, увидев обездвиженное, исхудавшее лицо. Глаза были полузакрыты, а вокруг них расплзлись темные круги. Трудно было узнать ту женщину, какой маму раньше помнила Тамара. – Ах, мамочка! – расплакавшись, сжимала девушка прохладную, сухую руку. – Прости, что меня не было рядом.

Денег для дорогостоящего лечения не хватало. Отдав на первое время то, что имелось врачам и сиделке, Тома поспешила вернуться в Москву.

Не успевая рассчитываться с кредитами, она залезала в новые долги. Почти перестав обращать внимание на то, что происходит вокруг, заливала душевные тревоги дешевым алкоголем.

Пуфф. Хлопнула папка с документами на стол. «На три выпуска писанины», – буркнула Тамара, выдохнув терпкий перегар в сторону Фёдыча. Облизнув потрескавшиеся, тонкие губы, Георгий Фёдорович оправил засаленный, растянутый свитер. О своих делах Тамара не любила рассказывать. На работе мало кто был в курсе происходящего в ее жизни. Фёдычу все же пришлось объяснить неделю своего отсутствия.

– Позже проверю, – он аккуратно отложил документы в

сторону. Сожалею о случившемся. Я могу чем-то помочь Томочка?

– Замуж выйти хочу.

– Вот как. И кто же твой избранник?

– Ну как же?! – неприятно растянув губы в едкую, саркастичную улыбку, ответила девушка, – ты конечно. Тома совсем запуталась, и бороться сил как будто не осталось. «Что я потеряю от этой авантюры? Хуже уже не будет», – думала она. «Сегодня что первое апреля?» – помедлив, спросил начальник.

– А я и не шучу. Без всяких там кривляний, один раз предлагаю. Берешь?!

– Да, конечно, – залепетал, растерянный Фёдыч, не веря в действительность происходящего.

Не откладывая переезд, уже через две недели Тома управлялась на новом месте. «Это уберем. А вот те вещи совсем выбросим», – распоряжалась Тома, планируя обстановку.

– Ну что ты Томочка?! Может, не будем? – пытался Фёдыч унять взявшуюся за его логово девушку. Вопрос о проживании в квартире собак, которые так не нравились Тамаре, решить не получилось. «Они моя семья!» – с серьёзным лицом сказал Фёдыч подбоченившись, показав всем своим видом нежелание продолжать это обсуждение. Был и еще один сюрприз. Когда-то давно мамин родственник подарил тарангула. С тех пор мужчина накопил разных пауков, расставив по большим аквариумам, стоящим в его комнате. Важно

показывая при случае нечастым гостям, быстро ползающих, маленьких тварей.

Необходимость платить за съемную квартиру отпала, что вполне устраивало Тому. Вопрос о деньгах при таких условиях перестал давить. Было на что помогать матери и себе не отказывать.

– Можно и потерпеть некоторое время, а там что-нибудь и придумаю, – подытожила размышления девушка. – Пусть неказист мужчинка, зато любит меня, а главное с метрами.

Выключив компьютер, Тамара собиралась домой. В сумочке заиграла веселая мелодия. «Привет Томка! Ты где?» – послышалось на другом конце.

– Ну, здравствуй пропащая душа, – улыбнулась Тамара. – С работы выхожу. Звонила тебе на днях раз шесть, так и не одолела.

– Прости. Не было возможности ответить. Может, заедешь?

– Да с удовольствием.

Приехав в загородный дом приятельницы, Тамара впорхнула в просторную, дорогую прихожую. Вышедшая на встречу девушка обняла.

– А я с подружкой, – вытащив из пакета бутылку, хитро промурлыкала Тома.

– Мне теперь нельзя.

– Так. Рассказывай! – заблестели глаза Тамары.

– Вот Томка, две полоски, – девушка положила на стол

тест.

– Так радоваться надо. Ты что кислая такая?

– Да, наверное. Ты же знаешь, сколько труда мне стоило закадрить Юрку?! У него все есть. Мне и джинсы теперь не надо там с вами в офисе протирать, ради копеек. Боюсь я Томка!

– Родов?

– Когда Юрок в командировке был, гульнула я, в общем. Не знаю, его ли ребенок?!

– Дурочка! Возьмет на руки в роддоме и растает. Сама главное не выдавай себя!

Миновало два дня. Тамара, раскрыв тяжелые, бирюзового цвета шторы, присела на край кровати. Фёдыч прищурился.

– Вставай соня.

– Томочка, пожалуйста, еще пять минут? – попросил муж.

– Нет, здоровяк. Подъем! – игриво подтолкнула в бок жена.

– Что случилось?

– Ты скоро будешь папой!

– Уверена?

– Вот тест.

Мужчина подхватив ее в неуклюжие объятия, закричал: «Ура милая!». Фёдыч расплывшись в довольной улыбке, крепко прижал к себе её мягкое, теплое тело.

Через неделю Тома начала жаловаться на аллергию. Пригрозила уйти, если муж не избавится от собак. Фёдыч сдал-

ся, отдав, все пять в приют. «Приезжай быстрее Фёдыч, воды отошли, а скорой все нет!» – дрожал в трубке надтреснувший голос жены. Выронив телефон, Тамара не в силах терпеть согнулась. Упала. Внутри большого, овального, живота частыми волнами пульсировала боль. Сжимаясь всем корпусом, она визжала, проклиная себя и эту мучительную беременность. Голова кружилась, выбрасывая в пространство перед взором синие, мерцающие круги. Замерев, движение под пупком остановилось. Холодок мелкой дрожью побегал по коже, принесся небольшое облегчение. Под пальцами появилась липкая, едва теплая кровь. Глаза Тома расширились. Она судорожно хватала воздух, окаменевшими легкими, а кровь не останавливалась, насквозь пропитав палас и одежду.

– Томочка! Милая что с тобой? – откуда-то из глубины комнаты скрипнул похожий на Фёдыча голос. Она пыталась разглядеть приближающуюся фигуру, но видела лишь плавно скользящую, бесформенную тень. Парализующая истома схватила горло. Девушка задрожала. – Ах, ты, – облегченно вздохнула Тамара, открыв глаза.

– Ты кричала во сне.

– Кошмар приснился, – погладив плоский живот, Тома повернулась на другой бок, чтобы поскорее забыть жуткое видение.

Фёдыч начал активно меняться, с момента, когда узнал радостную новость, окружая безмерной заботой молодую

жену.

– Скажу, выкидыш произошел, а пока буду наслаждаться спектаклем, – в свою очередь рассуждала Тома. – Состояние мамы удовлетворительно. Жить можно. Сердце кольнуло, Тамара очнулась, услышав невнятное бормотание. Фёдыч грузно сопел, повернувшись к стене. Шепот мерный, скользкий звучал из всех темных углов комнаты, заставляя кожу подниматься мелкими, жесткими бугорками. – Гоша! – не выдержав, толкнула Тома в бок супруга.

– А?

– Слышишь?

– Нет, ничего. Ты устала милая. Отдыхай.

– Ну тебя. Дурак! – раздосадовалась Тома, спрятавшись под одеялом. Легкая дрема неспешно заполняла растревоженное сознание. Срываясь с потолка барабанной дробью, голоса загладели с новой силой. Тамара вжалась в матрац. До первых утренних лучей она не могла сомкнуть покрасневших от усталости глаз, отключившись лишь тогда, когда Фёдыч поднялся на работу. Вернувшийся поздним вечером, он был приятно удивлен. Жена, сбегав в салон, нарядилась, прикупила новое платье и приготовила вкусный ужин. Блестящая, яркая, обворожительная, она будто и не мучилась от бессонницы. За ужином Тома сказала, что ей надо лететь в Ростов, проведать маму. Фёдыч не возражал, и более того горячо поддержал это решение. Через четыре дня в аэропорту провожая, он долго сжимал в её объятиях. – Береги себя

Томочка!

Разглядывая в узенький иллюминатор уменьшающийся город Тома задумалась.

– Четырнадцать лет в каменных джунглях пролетели как один день. Одноклассницы уже воспитывают по несколько детей. Они живут в провинции, отказывая себе во многом, от зарплаты до зарплаты. Но счастливы! При встрече может, кто-то из них и завидует. А на самом деле, чему? Обрюзгший, тряпичный муж, с квартирой на окраине Москвы который лишь по счастливой случайности не был занят, какой ни будь провинциалкой раньше нее. Он удобен, и этого вроде достаточно, а для души и других мужчин можно иногда находить. Если прокрутить годы назад, многое отдала бы чтобы все изменить, но так только в сказках бывает. Мечтать об этом, то же самое, что побывать на луне. Глупость! – вздохнула Тамара. Подавившись пирожным, Тома сильно закашляла. В крошках, вылетевших изо рта, трепыхались прозрачные червячки. Извиваясь, короткие живые спиральки пытались ужалить. «Что за дерьмо вы мне принесли?!» – заорала испуганная Тамара. Почувствовав под рукавом кофты горячий зуд, судорожно завернула ткань. – Ай! – вскрикнула она. Облепив от локтя до пальцев, насекомые ползали, щелкая крошечными челюстями. Затем и все тело застонало под тысячами укусов. Пассажиры вопросительно поглядывали на корчащуюся в кресле женщину. С трудом выдержав полет, в Ростове Тома попала в больницу с нервным срывом. Пролет-

жав четыре дня в тесной палате, она запихнула пару хрустящих купюр в карман врача, и оказалась на свободе. «В церковь бы тебе сходить доченька?!» – прошептала прикованная к кровати мама, услышав рассказ пришедшей Тамары.

– Успеется. Главное ты выздоравливай мамочка, – больше не в силах сдерживать чувства, захныкала Тома.

После недельного пребывания в родном городе, страшные сны прекратились, и головные боли перестали беспокоить. Отдохнувшая, и приободренная Тома полетела обратно в столицу.

По прибытии она со слезами сообщила о потере ребенка. Фёдыч был подавлен. Стараясь не выдавать волнения, всячески поддерживал жену.

Уже лежа в своей квартире, на просторной кровати, Тамара проснулась посреди ночи. Но теперь это было из-за полного отсутствия, каких бы то ни было звуков. Глухая, звенящая тишина давила. Под ногами, что-то зашуршало. Откинув одеяло, Тамара увидела черное тельце, стремительно убегающее в сторону. «Паук! – похолодела девушка, с детства опасаясь этих тварей. Какое-то время она боялась пошевелиться, но затем начала яростно трясти плечо спящего мужа. – Фёдыч! Родненький, прошу, не молчи!»

Скорая помощь приехала только через полчаса. Ожидание в больнице, казалось вечностью. Вышедший к Тамаре врач, замаявшись, объявил о преждевременной кончине супруга.

– Как же мне быть? – спросила она, не поднимая намокших глаз.

– Жить дальше. Простите.

За короткое совместно прожитое время Тома сама того не ожидая успела привязаться к этому толстяку. Заботилась о нем. Прекратила отношения на стороне. Фёдыч расцветал на глазах. Шутил почти каждый день, похудел, стал увереннее. Правда пару недель назад он как то резко сник, но жена списывала это на усталость и стрессы. Приходилось жить бок о бок с неизвестностью. Фёдыч стал приходить поздно. Не заходя в душ, прямо в обуви заваливался спать, не отвечая ни на один вопрос. Тамаре было обидно мириться с появившейся между ними стеной непонимания.

Выйдя за ворота больничной территории, Тамара поплелась по глубоким сугробам, едва волоча уставшие, отяжелевшие ноги. В сорока метрах от забора начиналась лесопарковая зона, где скрылся ее согбенный силуэт. Она и сама не знала, куда идет, блуждая между кривыми стволами больших, черных деревьев. Эти безмолвные, ветвистые великаны были похожи на людей, что встречались ей всю жизнь. Безразличная, твердая масса, которой не было до нее дела. Тамаре стало обидно и страшно: «Ведь я и сама, стала холодным, бесчувственным растением, по-настоящему любящим только себя...». Боль и отчаяние, смешавшись, иссушили её сердце, затуманили разум. Морозный воздух кусал легкие. Обувь промокла, и холод уже казалось, заерзал внутри

под ребрами. В следующее мгновение девушка провалилась. Пролетев три метра, Тома упала на выступ из железных труб. Голова гудела, горечь подступала к горлу, а колени горели. Разогнуть их, совсем не было мочи. К тому же пальцы, скрючившись, и онемев, отказывались подчиняться.

– Сдохнуть уже здесь, как бродячей собаке! Прекратить эти страдания. Зачем жила?! – по щекам Тома потекли крупные, теплые слезы. – Бессмыслица. Весной быть может, случайные прохожие найдут мое раздувшееся, побуревшее тело в этом проклятом колодце. А мама? Что с ней станет?! Жаль ее бедняжку, надеяться ведь ей кроме как на меня не приходится.

Преодолевая болезненную судорогу в суставах, Тома потащила из кармана заветный мобильник. Раз, два нажимала она на кнопки. Включившись на доли секунды, треснувший экран, погас окончательно. Напрягая ослабевшие руки, Тамара приподнялась. Перебивая дыхание, каждое движение отдавалось жутким жжением в мышцах. – Помогите! – подняв лицо кверху, попробовала кричать она. Из горла, вырывались лишь тихие хрипы. Досада на все что произошло, захлестнула с головой. Сердце заметалось в груди. Разозлившись Тамара стала бить кулаками о бетонную стену. Уже скоро повалившись на бок, Тома зашипела: «Вот и все. Даже тоннеля со светом в конце нет. Все ложь!».

– Ну что дорогуша, как себя чувствуем? – разбудил не знакомый, мужской голос, прозвучавший у самого уха.

Открыв заплывшие глаза, Тамара старалась разглядеть широкое, чисто выбритое лицо человека в белом колпаке. Приложив пальцы к ее запястью, он посчитал пульс, что-то записал в своей тетради и ушел. Она хотела было окликнуть его, но не получилось. Будто никогда и не умела говорить. Пошевелить конечностями тоже не вышло. Крепко привязанные к больничной кровати, руки и ноги затекли. Безрезультатно провозившись со своими путами, Тома бессильно разглядывала пожилую женщину на соседней кровати. Так же прикованная, та лежала с открытыми, не мигающими глазами. «Что очухалась?» – спросила вдруг, не поворачивая головы, седоволосая, сухая фигура. Тамара отвернула голову. На других койках было пусто.

– Вчера ты как змея извивалась, орала, санитару укусила. Вот потеха была. Если сегодня будешь буяннить, поверь мне, заколют тебя до овощного состояния. Тома бросила в нее вопросительный взгляд.

– Говорить не можешь? Такое бывает. Скоро отпустит. Сразу скажу тебе не надо бояться тех, кто наполняет это убогое обиталище. Настоящие безумцы там, за колючей проволокой отделяющей нас от всего мира. Они живут в иллюзии, что держат все под контролем. При этом, когда фальшивая оболочка благополучия вдруг дает трещину, прячут голову в песок.

Знаешь, тридцать с лишним лет тому назад, я родила славного малыша. Сколь мне бы не говорили, что есть хорошень-

кие дети. Ерунда! В моем сыне для меня отражался целый мир. Так уж вышло, растила без отца. Его рыжие, кудрявые волосы пахли солнцем. Но, как известно, беда не назначает свиданий, к нам тоже пришла не спрашивая. Мой мальчик, прежде справный и сильный стал худеть. Списывая на работу и усталость, он отмахивался от моих просьб пойти к врачу. Однажды мой Митя упал на остановке, по пути домой. Думаю, люди приняли его за пьяницу. Только представь! Взрослые, образованные люди спокойно переступают через человека, попавшего в беду. Приходят к семье, обнимают детей, считают себя людьми. И даже не задумываются, что могли бы оказаться на его месте. Пролежал он пол часа в весенней слякоти, испачканный, замерзший пока наконец один сердобольный прохожий не вызвал скорую помощь. Две недели обследований и мы сидим ошарашенные в больничном коридоре.

– Рак у вашего сыночка, – как бы, между прочим, говорит врач.

– Я смотрю на него. Хлопаю глазами. А внутри огонь горит. Спрашиваю, что делать?

– Да особо ничего не поделаешь. Так страдания растянем только, – хмыкнул он.

– Плюнула бы в его наглую рожу. Да этим не решишь проблему.

Стали курсы химии проходить, но состояние не улучшалось. Посоветовали знакомые целителя живущего в соседней

области. Мы и отправились к нему. «Надо от медицинского лечения отказаться!» – настаивал колдун, да денег требовал. Называя все больше цифр, на следующих приемах.

– Я продавала все что, могла. Через два месяца Митя умер. По приезду от этого шарлатана, уснул, а утром не встал. Эх. С сыном я похоронила свое сердце. Обида долго терзала мою душу.

Поехала значит глянуть колдуну в глаза. Зашла в его хибарку. Гляжу, сидит на стульчике, картошку чистит. Рассказала свою беду.

– А что ты старая хотела?! Труп сюда привезла, а я не воскрешаю. Я лечу! – засмеялся он, сообразив, что с меня денег больше не вытрясти.

Лицо седоволосой женщины побледнело, скулы сильнее выступили вперед. – Представляешь?! – продолжила она, натягивая приковавшие ее путы.

– Хохотал, как будто речь была о пустяке. На дворе просигналила машина. Лекарь поднялся посмотреть, кто приехал. В следующую минуту я ударила его в бок, оставленным на стуле им же ножом. Ха. Видела бы ты его расплывшиеся от страха зрачки». «Прости! Пощади?» – взмолился он, но меня уже не волновали слова.

– Ты ведь шутник? Вот теперь давай вместе посмеемся. И била еще. В живот, в шею, много раз, пока этот урод, не захлебнулся своей кровью.

Устав Тамара закрыла веки. Ей больше не хотелось слы-

шать эту женщину. Она боялась поверить в действительность происходящего.

Завертелась череда одинаковых дней, с получением уколов и поеданием безмерного количества таблеток. Переходя из отделения в отделение, Тома с течением времени почувствовала себя гораздо лучше. Единственное что тревожило, отсутствие связи с внешним миром, где неизвестной оставалась судьба больной матери. Головокружение прошло, видения прекратились.

А еще через год, лечащий врач, пообещал выписать при отсутствии рецидива. О чем на протяжении трех долгих лет только и мечтала Тамара.

В назначенный день девушка вышла на свободу, получив вещи, с которыми поступила. Осенняя морось била по асфальту, кое-где укрытому плотным слоем желтых, сморщенных листьев.

– Каким-то чудом банковская карта, не пропала в этой богадельне, а значит, деньги на билет есть, – обрадовалась Тома. Она решила навсегда оставить ненавистный ей город, с которым было связано столько тяжелых воспоминаний. Перед отлетом в Ростов, Тома хотела побывать на могиле Фёдыча. Единственное что пришло в голову, чтобы найти место захоронения, это спросить у соседей.

– Извините? – обратилась неуверенно к отворившему юноше дверь Тамара, указав пальцем на квартиру напротив. – Раньше там жил Георгий Федорович. Может, вы зна-

ете, где он похоронен? Хочу попрощаться перед отъездом.

– Так позвоните туда, – улыбнулся парень.

Дзинь. Грохнул в глубине квартиры звонок. Заскрипев дверь, отворилась на ширину ладони, удерживаемая стальной цепью.

– Что надо?!

– Фёдыч, милый. Я думала, ты умер! – прошептала Тамара. Сердце ее бешено заколотилось, готовое вырваться наружу.

– Для тебя это так.

– Открой Фёдыч! Почему ты себя так ведешь? – смутилась девушка.

– Уходи прочь.

– Да ты представляешь через что я прошла за эти годы?!

– Я вызову полицию.

– Сволочь! – заплакала от досады Тома. – Будь ты проклят!

– Если тебе интересно, я почти сразу узнал о твоей ложной беременности и твоих изменах. Я сыпал дурь тебе в чай каждый божий день. Вот тебе крышу и снесло. Так что в расчете. «Пошла вон!» – рявкнул Фёдыч и захлопнул железную дверь перед лицом Тома.

Старый лифт устало выдохнул, остановившись на четырнадцатом этаже. Захрустев, в маленькой ладони оконная ручка повернулась до упора. В лицо ударил влажный ветер. Грудь гудела, заглушая спутанные мысли. Сделав шаг впе-

ред, Тамара полетела вниз.